

Баки тяжело сглотнул. Стив говорил совсем о другом, конечно, но для Баки каждое его слово было признанием такой силы, что дрожали пальцы единственной руки, в груди тянуло и хотелось часто моргать. Азарт охоты до сих пор будоражил тело, вид Стива, окровавленного и немного растерянного, сводил с ума, и Баки, ползком добравшись до него, повалил спиной на влажный мох, стал лизать шею и кусать ухо, не обращая внимание, что вокруг. Стив выронил нож и мелко дрожал под ним, цепляясь за ткань рубахи на спине, шумно дышал, но между ног его было так горячо и твёрдо, что и слов не требовалось. Баки обхватил его член ладонью, заставил шире развести ноги, и принялся ласкать. Когда Стив громко и сладко выдохнул с полустоном, Баки уже не мог терпеть — приставил член ему под яйца и толкнулся, чувствуя, как Стив изо всех сил сминает ему бока своими острыми коленями. Они любили ещё с утра, Стив принял его легко, хоть это и было больно, — Баки знал, сам чувствовал боль, — а ему всё было мало. Хотелось доказать этому лесу, этому небу, всему живому, что этот Стив — его, а он — Стива. И ничего в этом не может поменяться, покуда они оба живы. А они живы! Ещё как живы.

Стив закатил глаза и стонал в голос. Над его распахнутым ртом, над верхней губой, блестели маленькие росинки пота. Рот, влажный, бархатный, манил Баки, но смотреть сейчас хотелось больше, чем целовать — и Баки смотрел, чувствуя, как накатывает всё сильнее. Член Стива тёрся меж их животами, твёрдый и горячий, как уголёк, как вдруг Стив шумно выдохнул и весь стиснулся, переживая свою смерть — и новую жизнь, следующую за ней по пятам. Баки сам не мог больше терпеть — выплеснулся, переживая отголоски сокрушающего удовольствия и слабой боли в затылке. Сейчас он понять не мог, что на него нашло. Но никакого чувства, что он сделал неправильное, не было. Только счастье от произошедшего и удовольствие, ещё не отпустившее до конца.

— И всё же, — сказал Баки, когда дыхание выровнялось, и он выскользнул из тела Стива, разваливаясь на спине с ним рядом, бездумно лаская рукой волосы на макушке, — зря мы не взяли волокушу сразу. Сейчас идти придётся.

— Я сбегаяю, — хмыкнул Стив. — Невелика беда.

А потом повернул голову и долго-долго смотрел на него, — Баки чувствовал этот взгляд, дыхание на своей щеке, но не решался открыть глаза. Он и сам любил порой вот так, тихо и незаметно смотреть на Стива. И когда он делал это, в груди разливалось тепло, наполняло его и распирало изнутри — хоть беги в ночь, разводи огонь и танцуй вокруг древним диким духом, потому что так много всего чувствуешь, что и не вынести простому смертному.

Дни шли за днями, а забот не убавлялось. Добытых оленей нужно было освежевать и разделать, осторожно снять кожу — и довести её до ума, чтобы сшить на зиму новые накидки. Мяса было много, погода стояла тёплая, и Баки без усталости засаливал, коптил и вялил тонкие длинные мясные ленты — а Стив помогал ему во всём, когда не был занят своим делом.

В день, когда с мясом было покончено, а шкуры оставалось ещё долго выделывать и доводить до ума, Баки жаловался на свой разбитый затылок. На что Стив только хитро ухмыльнулся — и исчез в землянке. Вышел он оттуда с небольшим — с коровью голову — бочонком на плече. Баки удивился — вроде, не раз заглядывал в их погребок, а такого там не видел.

— Что это?

— Отпразднуем! — всё так же хитро улыбаясь, заявил Стив. — И вылечим, наконец, твою голову. Чтобы больше не болела.

Баки смотрел на довольного Стива с интересом — и неверием. И всё же с затаённой надеждой: бочонок выглядел многообещающе. С пьяными напитками у друида было не густо, считай — никак. А выпить порой хотелось. И чем же сейчас — не повод? Баки подошёл ближе и помог держать приятно тяжёлый бочонок, пока Стив ловко выбивал из него посаженную на пчелиный воск пробку. Как только из горла выплеснулось немного пенного, у Баки потекли слюни. Их обоих окутал густой медвяно-травяной дух, а Стив с гордостью заявил:

— Вересковый мёд. То, зачем вы на самом деле пришли в Дал-Риаду. А не за землями и богатством, — едко добавил он.

Баки даже не знал, что и сказать. Пока был военачальником в походе, не раз он слышал про вересковый мёд. Мол, что он даже и мёртвого поднимет. А уж какие недуги исцеляет! Не верил, конечно, ни единому слову — мало ли о чём уставшие воины толкуют у костров после выматывающего дневного перехода. Но когда своими глазами увидел, как один из военачальников изловил семью местных и выпрашивал у них про вересковый мёд, а те ни слова не сказали, за что он их всех перевешал, — тогда запомнил. И понять не мог, как забыл и не спросил у Стива раньше. Наверное, лицо его было красноречивее некуда, потому что Стив лишь посмеивался над ним, делая глоток за глотком.

— Присоединишься? — подзуживал он его. — Я оставляю себе только один бочонок, остальное делаю на обмен и продажу. Да и не много выходит. Не всегда могу найти достаточно дикого мёда. Идти за ним далеко, на север, за вересковые пустоши.

— И не жалко такую драгоценность зазря переводить? — по-доброму поддел он Стива, любясь на тонкое тело, ловкие руки, так легко удерживавшие бочонок, и золотистый загар, успевший схватиться на коже.

Стив чуть не поперхнулся. Утёр рот и сказал, чуть смутившись:

— Так... ведь принято? Первый месяц омывают мёдом, второй — горюн-травой, третий выпаривают сухой или свежей берёзой, четвёртый...

И тут Баки понял, наконец. Верескового мёда в их землях не делали, конечно, но всегда выкатывали бочки мёда, как молодые месяц проживут. Оттого и прозвали — медовый месяц. Остальные-то редко кто соблюдал. Горюн-траву ещё поди добудь.